8. Чарнякевіч, А.М. Парадоксы ўлады: Беларускі палітычны камітэт і палескі паход генерала С. Балаховіча // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. 2014. Вып. 3. С. 90–94.

9. Чарнякевіч, А.М. Чужы сярод чужых: Павел Аляксюк і беларускія «паланафілы». Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017.

10. Чернякевич, А.Н. БНР. Триумф побежденных. Минск: А.Н. Янушкевич, 2018.

УДК 94(476)+94(470+571)

ЛАТЫШСКАЯ ДИАСПОРА ВИТЕБЩИНЫ В 1920-е гг.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Т.В. Бувич

*Государственный архив Витебской области, ул.Калинина, 22, 210015, г.Витебск,
Беларусь, t_buevitch@bk.ru*

В статье рассматриваются причины трансформации латышей Витебщины из национальной группы в диаспору, описываются латышские национальные органы власти, приводятся примеры противостояния латышкой диаспоры и советской власти, противоречий между латышами и представителями других наций в регионах их наиболее компактного проживания.

Ключевые слова: латыши; национальное меньшинство; мирный договор 11 августа 1920 г.; Рига; Витебская губерния; диаспора; латышский национальный сельский Совет; переписи населения 1920 г., 1926 г.; социально взаимодействие; общественные отношения.

ЛАТЫШСКАЯ ДЫАСПАРА ВІЦЕБШЧЫНЫ ў 1920-я гг.: УЗНІКНЕННЕ, САЦЫЯЛЬНАЕ ўЗАЕМАДЗЕЯННЕ І ГРАМАДСКІЯ АДНОСІНЫ

Т.В. Бувіч

*Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці, вул.Калініна, 22, 210015, г.Віцебск, Беларусь,
t_buevitch@bk.ru*

У артыкуле даследуюцца прычыны ператварэння латышоў Віцебскай вобласці з нацыянальнай групы ў дыяспару, апісваюцца органы латышскай нацыянальнай улады, прыводзяцца прыклады супрацьстаяння латышскай

дьяспары і савецкай улады, супярэчнасці паміж латышамі і прадстаўнікамі іншых народаў у рэгіёнах іх найбольш кампактнага пражывання.

Ключавыя словы: латышы; нацыянальная меншасць; мірны дагавор 11 жніўня 1920 г.; Рыга; Віцебская губерня; дьяспара; латышскі нацыянальны сельскі Савет; перапісы насельніцтва 1920 г., 1926 г.; сацыяльнае ўзаемадзеянне; грамадскія адносіны.

THE LETTISH DIASPORA OF VITEBSK REGION IN THE 1920s: RISE, SOCIAL INTERACTION AND SOCIAL RELATIONS

T. Buevich

*State Archives of Vitebsk Region, Kalinina st., 22, 210015, Vitebsk, Belarus,
t_buevitch@bk.ru*

The article examines the reasons of transformation of the Letts of Vitebsk region from a national group into a diaspora, describes the Latvian national authorities, gives examples of the confrontation between the Latvian diaspora and the Soviet government, contradictions between Latvians and representatives of other nations in the regions of their most compact residence

Keywords: *Letts; national minority; peace treaty on August 11, 1920; Riga; Vitebsk province; diaspora; Lettish national village council; population census 1920, 1926; social interaction; public relations*

Независимость Латвийской Республики (далее – Латвии) провозглашена в 1918 г. Период 1919 года, охарактеризовавшийся противостоянием различных политических сил, закончился сначала в январе 1920 г. перемирием, а затем подписанием 11 августа 1920 г. в г. Риге мирного договора между Российской Советской Социалистической Республикой (РСФСР) и Латвией (далее – Договор 11 августа 1920 г.), по которому Латвия была признана РСФСР де-юре как субъект международного права; 22 сентября 1921 г. она получила мировое признание.

В состав Латвии были включены части территорий Курляндской, Лифляндской, Ковенской губерний, где по итогам первой всеобщей переписи населения Российской империи, прошедшей в 1897 г., проживало 1 105 011 латышей [3, с. 1–3]. Помимо данных губерний в составе Российской империи в XVIII в. были образованы Динабургский (с 1893 г. – Двинский), Люцинский и Режицкий уезды (бывшие Инфлянты Польские / Латгалия), ставшие с 1802 г. частью Витебской

губернии. На территории данных уездов проживали латгальцы. В Российской империи латгальцев не отделяли от латышей, в результате произошло смешение понятий. Иногда латгальцев именовали «витебскими латышами», а Двинский, Люцинский и Режицкий уезды – «латышскими». По итогам переписи 1897 г. в «латышских» уездах губернии проживало свыше 250 тыс. латышей [3, с. 1].

Отмена крепостного права способствовала переселению латышей (далее – латыши-переселенцы) за пределы своих этнических территорий. Основной причиной переселения было стремление приобрести «дешевые» земли. Переселявшиеся не ограничивались какой-либо территорией и оседали в различных регионах империи. Одна часть выехала в весьма отдаленные земли от места их первоначального (исторического) проживания. Другая – переселилась на постоянное место жительства в соседние губернии, а третья – хоть и оставалась проживать в Витебской губернии, но мигрировала за пределы «латышских» уездов. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. показала, что вне «латышских» уездов латыши/латгальцы (далее – латыши) постоянно проживали в Велижском (2 537 латышей), Витебском (3 962 латыша) и Полоцком (1 721 латыш) уездах [3, с.11]. При этом следует помнить, что на момент подписания Договора 11 августа 1920 г. Витебская губерния, помимо территории, составившей ее в 1802 г., включала Сенненский и Оршанский уезды, входившие до 1919 года в Могилевскую губернию. А первые латышские поселения в Лосвидской волости Оршанского уезда появились в 1860-е гг. [2, с. 101]. Согласно данным переписи 1897 г. в Оршанском уезде насчитывалось (на основе родного языка) 3652 латыша, в Сенненском – 365 [4, с. 96–97].

До 1920 года латышей Витебщины можно именовать «национальной группой». По этим термином нами понимается этническая общность, которая состоит из граждан (подданных) государства, на территории которого они проживают постоянно; при этом они отличаются от остального населения этого государства своими национальным признакам (культура, язык, религия, обычаи), но не имеют никаких своих национальных институтов (например, органов власти) и ущемляются в возможности реализации своих прав.

Подписание Договора 11 августа 1920 г. изменило статус латышей, оставшихся на постоянное проживание в Витебской губернии: они

оказались оторванными от своих этнических территорий и стали гражданами РСФСР (с 1924 г. – БССР). Латыши перестали ущемляться в своих правах и получили возможность свободно развивать свои национальные особенности. Уже в начале 1920-х гг. действовали латышские культурно-просветительные и учебные учреждения, латсекция при губернском отделе образования, промышленные и сельскохозяйственные предприятия. К середине 1920-х гг. латыши Витебщины, под которой понимается территория Витебской губернии по состоянию на август 1920 г., сформировали сеть своих национальных институтов: появились латышские органы власти, суды, латсекции в общественных организациях, партийных комитетах. Данная сеть национальных латышских институтов активно функционировала на всем протяжении 1920-х гг.

Таким образом, в 1920 г. латыши трансформировались из национальной группы в диаспору. Диаспора понимается нами как часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая в стране проживания прочные этнические группы, и имеющая различные национальные институты для поддержания и развития своей идентичности и реализации своих прав.

По данным Всероссийской переписи населения, состоявшейся в августе 1920 г., на Витебщине проживало 12 175 латышей, из них 10 020 латышей на территориях уездов, которые в 1924 г. войдут в состав БССР, и 2155 латышей в Велижском, Невельский, Себежский уездах, оставленных в РСФСР [5, л. 4, 5]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. количество латышей на территории бывшей Витебской губернии (без учета территорий, оставшихся в 1924 г. в составе РСФСР) в целом сохранилось: проживало 9 211 латышей и 15 латгальцев, что составляло 0,7% от общего числа жителей губернии [1, с. 24, 25, 39, 40, 42]. В то же время в БССР доля была еще меньше: 0,3% (14 061 латыш и 19 латгальцев при 4 982 623 населения) [1, с.9–10, 13–49]. При этом в остальных белорусских округах, за исключением Могилевского, численность латышей не превышала 800 человек.

Латыши были рассредоточены по всей Витебской губернии, при этом не менее 77% их были сельским жителями [5, л. 4–5, 10]. Поэтому латышские органы власти возникли, начиная с середины 1920-х гг. именно как сельские Советы [15, л. 32]. В 1925 г. на территории Полоцкого округа действовал латышский национальный Совет в

д. Вацлавово Ушачского района [17, л. 79]. В Витебском округе в Лиозненском районе (самом многочисленном латышском) 25.02.1926 был избран национальный Совет в д. Уно, объединивший латышские колонии (места компактного проживания латышей) деревень Уно, Гришавка (вариант, Гришенка) и Михалиново. В 1928 г. Совет объединял 153 двора и 689 человек населения, из них белорусов было 289, латышей 388, представителей других национальностей – 9 человек [16, л. 494].

Стоит отметить, что согласно сведениям из архивных источников, при перевыборах сельских Советов в 1925 г. латыши были выбраны в той или иной мере в составы всех Советов, на территории которых проживали. В то же время в документах за октябрь 1926 г. отмечалось, что членами сельсоветов работали они «не охотно» [8, л. 80]. Такое отношение к членству было обусловлено тем, что латышская диаспора Витебщины воспринимала советскую власть неоднозначно. Этот факт довольно часто отмечали партийные функционеры в своих отчетах. Например, на заседании бюро Высочанского райкома КП(б)Б от 12 октября 1926 г. один из выступающих прямо отмечал: «нельзя сказать, что большинство латышского населения относится к советской власти хорошо» [12, л. 189]. Другой выступающий дополнял, что такое отношение характерно не только для зажиточной части латышей (кулаков), но и для середняков [12, л. 189].

Такие взаимоотношения складывались с самого момента возникновения диаспоры. До 1921 г., например, в колониях будущих Уновского и Сутокского сельских Советов Лиозненского района часть латышей активно добивалась разрешения на выезд в Латвию. Эта тенденция остановилась только после введения «новой экономической политики» [13, л. 657]. Но и в середине 1920-х гг. отмечалось, что среди латышей «чувствуется ориентация на Латвию» [13, л. 648].

Есть сведения, что в латколонии Суражского района в 1923–1924 гг. был сильно распространен бандитизм, выражавшийся, прежде всего, в антисоветских настроениях [9, л.74; 11, л. 149]. В документах второй половины 1920-х гг. отмечалось наличие эсеровских группировок среди латышей [12, л.189].

К 1926 г. недовольство советской властью связывали уже в основном с земельными вопросами: крестьяне-латыши, выкупившие свои земельные участки еще до революции, не восприняли политику

отмены частной собственности на землю и не понимали, почему они должны платить земельный налог [13, л. 653]. Здесь также следует иметь в виду, что «...75-80 % [сельского] латнаселения до революции считалось самым богатым (не считая крупных помещиков) и таковое более всех ущипнуто революцией» [10, л. 258]. «Вообще заметно, – читаем в одном из докладов ответственного секретаря Центрального бюро Латсекции при ЦК КП(б)Б от 05.11.1925., – что латышский колониат [в Лиозненском районе] не чувствует себя прочно, как гражданин республики ..., а как находящийся здесь временно, которого не сегодня, завтра заставят покинуть свой участок». В этом же докладе указывалось, что в д. Уно, где в этот период уже действовал латышский сельский Совет, дело дошло «до всеобщего недовольства всякими действиями советской власти» [13, л. 653, 660]. Такое же открытое недовольство отмечалось и позднее, в 1927–1928 гг., в Горбовском и Сутокском сельсоветах Лиозненского района: активные выступления против советской власти имели место во время проведения перевыборов в сельские Советы и осуществления хлебозаготовок.

В Высочанском районе (втором по массовости проживания латышей) возник прямой конфликт между латышами и местными органами власти при попытке перевести латышскую 7-летнюю школу в г. Витебск [15, л. 208].

Помимо данных о конфликтах с советской властью, в архивных источниках имеются также сведения о национальном антагонизме между латышами, русскими и белорусами, причем говорится о том, что он «стоял очень остро по [Витебскому] округу в целом» [9, л. 25]. Имеются сведения, что в отдельных регионах совместные собрания русских/белорусов и латышей всегда заканчивались драками [9, л. 3]. С другой стороны, партийные функционеры Суражского района писали о том, что к 1925 г. антагонизм между местным нелатышским населением и латышами изжит [9, л. 74].

Причину таких конфликтов партийные работники видели в том, что в латышских колониях большое влияние имели именно богатые латыши [12, л. 189]. В целом стоит отметить, что в середине 1920-х гг., например, для Витебского округа деление латышей-крестьян по классовому принципу выглядело следующим образом: 20% – кулаки, 65 % – середняки, 10 % – бедняки и 5% – безземельные крестьяне [6, л.333; 7, л. 234]. При этом батраками в латышских хозяйствах работали

в основном белорусы и русские [12, л. 189]. Поэтому мнение партработников можно считать вполне обоснованным.

В то же время в других документах указывалось, что антагонизм в сельской местности, где проживало большинство русских и белорусов, между латышами и другим населением «выражен в слабой степени» [15, л. 208].

Таким образом, подписание мирного договора между РСФСР и Латвией 11 августа 1920 г. привело к тому, что латыши Витебщины из национальной группы трансформировались в латышскую диаспору. Латышская диаспора Витебщины РСФСР была одной из самых многочисленных, а с 1924 г. в БССР стала самой значительной. В 1920 г. более 77% латышей, чьи предки мигрировали в поисках дешевой земли, являлись сельскими жителями. С установлением советской власти латыши получили возможность самореализации своей национальной идентичности. Однако несмотря на возможность национальной самореализации, отношения между латышами и советской властью складывались неоднозначные, а часть латышского населения имела антисоветские взгляды. В местах массового проживания латышей наблюдался антагонизм между ними и представителями не латышского населения, в основе которого лежало социальное расслоение: 85% латышей-крестьян относились к категории зажиточных (кулаков) и середняков, которые применяли у себя в хозяйстве наемную силу из белорусского/русского населения.

Библиографические ссылки

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. Т. 10: Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. 1928.

2. Драбанский, Я. Латышские колонии в Беларуси (в переводе М. Шилиной) [Электронный ресурс] / Я. Драбанский // Латыши и белорусы: вместе сквозь века: сб. науч. ст. Вып. 5 / редкол. С.П. Кулик [и др.]. – Минск: РИВШ, 2016. С. 99-106 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yanis-drabanskiy-latyshskie-kolonii-v-belarusi/viewer>. Дата доступа: 05.09.2020.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905. Вып. 7: Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. 1905.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: Изд. ЦСК

Министерства внутренних дел , 1899–1905 . Т. 23: Могилевская губерния. 1903.

5. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 28.

6. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 145.
8. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 30.
9. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 242.
10. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 245.
11. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 278.
12. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 333.
13. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 380.
14. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 430.
15. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 673.
16. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 694.
17. ГАВО. Ф. 10061-п. Оп. 1. Д. 1095.

УДК 94(47).084.6

НАСЛЕДИЕ РИЖСКОГО ДОГОВОРА 1921 г. И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМА ФРАНКО-ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

А.А. Вершинин

Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия, averchinine@gmail.com

В статье рассматриваются стратегические последствия территориального переустройства по итогам Рижского мира 1921 г. для конструкции европейской безопасности в межвоенные годы. Автор утверждает, что конфигурация границ, возникших по итогам советско-польской войны, сама по себе не делала неизбежным новый конфликт в Центральной и Восточной Европе. В 1920-е гг. французская дипломатия предложила проект, который позволял серьезно снизить его риски. Однако обострение международных отношений в 1930-е гг. создало ситуацию, при которой безопасность в этой части континента оказалась в прямой зависимости от эффективного взаимодействия между Францией, СССР и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).